

УДК 94(470)“1796/1801” + 929.71 + 395

О. А. Мельчакова

ЦЕРЕМОНИАЛ ПРИЕМА ИНОСТРАНЦЕВ ПРИ ДВОРЕ ПАВЛА I

Анализируются сведения, содержащиеся в документах Министерства иностранных дел России, камер-фурьерских церемониальных журналах, мемуарах, переписке современников, освещающие церемониал приемов представителей иностранного дипломатического корпуса, коронованных особ и других иностранцев российским императором Павлом I. Показано, что аудиенции иностранцев у Павла I приобрели особую пышность и жесткую регламентацию после получения им титула великого магистра Мальтийского ордена.

Ключевые слова: Павел I; иностранные дипломаты; посольский церемониал; придворный церемониал.

6 ноября 1796 г. умерла Екатерина II. Сменивший ее на престоле Павел I отличался неумеренной страстью к церемониям. Он превратил их «в принудительное почитание собственной персоны, используя регалии как знаки своей высокой должности» [Уортман, с. 241]. Он придумал новые изнурительные правила придворного этикета для элиты во время многочисленных праздников: дней рождения и тезоименитства членов императорской фамилии, церковных праздников, балов, дней празднования орденов Святого Иоанна Иерусалимского, Святого Андрея Первозванного, Святого архангела Михаила, Святого Александра Невского, Святого Георгия Победоносца, Святой великомученицы Екатерины.

Новшества при дворе Павла I коснулись также иностранных дипломатов, которые должны были побывать у императора не только на приемной и на отпускной аудиенциях, но и присутствовать на придворных праздниках, соблюдать все правила введенного для них этикета.

Не претендуя на исчерпывающее исследование темы, попытаемся обобщить сведения, содержащиеся в камер-фурьерских церемониальных журналах, опубликованных документах Министерства иностранных дел, письмах и мемуарах современников, для выявления представителей иностранного дипломатическо-

го корпуса, коронованных особ и других иностранцев, которые побывали на приемах у Павла I, и изучения особенностей церемониала этих приемов.

Многие европейские монархи и владетельные князья, получив известие о смерти Екатерины II, поспешили направить в Санкт-Петербург своих послов для поздравления нового российского императора, выявления его намерений в сфере внешней политики, а также изучения внутривнутриполитической обстановки в России. В частности, «давний друг Павла Петровича прусский король Фридрих Вильгельм II спешил поздравить императора со вступлением на престол, отправив к нему графа Брюля с собственноручным дружественным письмом» [Шумигорский, с. 105]. В депеше своему правительству, посланной из Москвы 1 мая 1797 г., Брюль дал достаточно яркую характеристику начала правления Павла I: «Неудовольствие против императора всеобщее... Император, желая исправить ошибки предыдущего царствования, вводит новую систему в управлении, которая не нравится нации и недостаточно обдумана, а между тем осуществляется с поспешностью, малопонятной и ничем не вызванной. При этом государь занимался лишь мелочами, всякого рода церемониями и приемами, терял оттого из виду важные дела и принимал советы только от князя Безбородко и иногда от князя Репнина» [цит. по: Там же, с. 125]. Некоторые современники разделяли мнение прусского посла. К их числу относится граф Бенигсен, который писал: «...такое положение дел, такое замешательство во всех отраслях правления, такое всеобщее недовольство, охватившее не только население Петербурга, Москвы и других больших городов империи, но и всю нацию, не могло продолжаться и... надо было рано или поздно предвидеть падение империи» [Из записок графа Бенигсена, с. 140]. Другие очевидцы событий считали, что недовольство охватило не «всю нацию», а лишь ее высшие слои. Такая оценка ситуации содержится в записках Н. А. Саблукова: «Несмотря на то, что аристократия тщательно скрывала свое недовольство, чувство это, однако, прорывалось иногда наружу, и во все время коронации в Москве император не мог этого не заметить. Зато низшие классы, “миллионы”, с таким восторгом приветствовали государя, что Павел стал объяснять себе холодность и видимую недоброжелательность со стороны дворянства нравственной испорченностью и “якобинскими наклонностями” этого сословия» [Записки Н. А. Саблукова, с. 40]. Многие из присутствовавших на праздниках и балах, сопровождавших коронацию, отмечали, что «все они были утомительны и скучны: государь обращал строгое внимание на соблюдение всех требований этикета и сам первый уставал от них. Парады и смотры войск, собранных под Москвой и не вполне еще усвоивших все требования нового устава, также происходили при напряженном состоянии духа всех участвующих, и император неоднократно выражал свое недовольствие на «потемкинский дух» офицеров; многие из них тогда же пострадали по самым ничтожным поводам» [Шумигорский, с. 123].

По мнению современников, Павел I требовал, чтобы придворный церемониал соблюдался «с тою же строгостью, как воинский устав на смотрах и ученьях. Обер-церемониймейстеру Валуеву приходилось лично обучать правилам этикета распущенную в прошлое царствование придворную молодежь. Нелегко осваивалась она с приемами, установленными, например, для церемонии *baise-mains*,

которая имела место не только по праздникам, но и в воскресные дни. Заключалась она в следующем. Каждый из присутствующих придворных и высших военных или гражданских чинов, подойдя к императору, отвешивал низкий поклон и целовал его руку, на что его величество отвечал поцелуем в щеку. Затем следовало целование руки у государыни, также с коленопреклонением, и выход из залы, но так, чтобы не поворачиваться спиной к их величествам» [Татищев, с. 204]. Ритуал целования рук у императора и императрицы распространялся и на иностранных дипломатов.

После ежедневно проводившегося вахт-парада Павел I нередко «давал аудиенции» иностранным дипломатам. Еще до погребения Екатерины II и Петра III 27 ноября 1796 г. граф Остерман представил Павлу I «присланного от шведского короля барона Клингшпорта» [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896а, с. 840], прибывшего в Санкт-Петербург для извещения о наступившем совершеннолетии короля Густава IV и его вступлении на престол [см.: Бычков, с. 189]. Но проект брака Густава IV с великой княжной Александрой Павловной остался неосуществленным [Там же]. 1 и 7 января 1797 г. император принимал поздравления от «господ чужестранных послов и министров», которые были «жалованы к руке» императрицы [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896б, с. 2, 54]. 1 января у Павла I «имел аудиенцию саксонский посланник барон Фелькер-Зам»¹ [Там же, с. 9], а 16 января им был принят «присланный от Римского императора генерал-майор граф Дидрихштейн»² [Там же, с. 115]. 20 января состоялся официальный прием римско-императорского посла графа Кобенцеля, который возглавлял австрийскую дипломатическую миссию в Санкт-Петербурге с 1779 г.³ [Там же, с. 141]. Известно, что, отправляясь в путешествие в Крым в 1787 г., Екатерина взяла с собой в карету этого австрийского посланника, видимо потому, что он «был очень любезен, веселого нрава и душою обществ; любил играть на благородных театрах и сам сочинял пьесы» [Вейдемейер, с. 26–27].

19 января 1797 г. церемониймейстером князем Барятинским был представлен Павлу I «посланник Венгер» [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896б, с. 134]. Видимо, речь идет о посланнике венецианской республики Николо Вениере, который находился в России с 8 января 1793 г. [см.: Бантыш-Каменский, с. 265].

23 января 1797 г. российский монарх принял английского, баварского и баденского посланников [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896б,

---

¹ Густав Георг Фелькерзам — барон, прибывший в Россию в мае 1791 г. в качестве полномочного министра Саксонского курфюрста [см.: Бантыш-Каменский, с. 257]. 20 августа 1800 г. Фелькерзам подписал заключенную в Гатчине между Россией и Саксонией Конвенцию относительно отмены права взимания пошлин с наследственных имуществ [см.: Мартенс, т. 6, с. 283].

² Отпускная аудиенция «цесарского посланника графа Дидрихштейна» состоялась в Гатчинском дворце 30 августа 1799 г. [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1898б, с. 1281].

³ Иоганн Людвиг Иосиф Кобенцль (1753–1809) — граф, австрийский дипломат и государственный деятель, кавалер королевского венгерского ордена Святого Стефана Большого креста, тайный и действительный статский советник, камергер короля Венгерского и Богемского, в 1779–1797 гг. посланник в Санкт-Петербурге [см.: Внешняя политика России..., т. 1, с. 736; Мартенс, т. 2, с. 199].

с. 161]. Английским посланником в Санкт-Петербурге в 1788 — 1800 гг. был лорд Чарльз Уитворт (Витворт) [см.: Внешняя политика России..., т. 1, с. 743; Мартенс, т. 9, с. 387, 407], а обязанности генерального консула Великобритании при русском дворе в 1797—1800 гг. исполнял Стефан Шарп [см.: Александренко, с. 82; Божеянов, с. 304], баварского курфюрста в 1797—1798 гг. и после перерыва — в 1799 г. в России представлял его поверенный в делах Сьюлцер, но, по мнению Н. Н. Бантыш-Каменского, он прибыл в Санкт-Петербург только в марте 1797 г. [см.: Бантыш-Каменский, с. 255].

31 января 1797 г. на официальном приеме у Павла I побывали: неаполитанский посланник Серра-Каприола и тосканский посланник барон Седделер [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896б, с. 211]. Антуан Мареска Серра-Каприола⁴ был бессменным послом Неаполя в России с 1782 по 1807 г., современники отзывались о нем «как о благоразумном консерваторе, умеренном легитимисте, человеке с острым чувством реальности» [Зонова, с. 28]. Многие годы провел в Санкт-Петербурге и шведский посланник Людвиг Богислас Христофор Стединг⁵, который присутствовал не только на коронации Екатерины II, Павла I, Александра I, но даже на торжествах, ознаменовавших вступление на престол Николая I [см.: Мельчакова, с. 120].

Герцог Ольденбургский сначала отправил в Санкт-Петербург графа Штакельберга, который 6 февраля 1797 г. передал Павлу I его официальное поздравление [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896б, с. 264], а затем отослал в Россию своего посланника графа Стольберга, принятого Павлом I 9 марта того же года [Там же, с. 460]. Стольберг уехал из России не ранее 7 июня 1797 г., так как в этот день состоялась его «отпускная аудиенция» у российского императора [Там же, 1897а, с. 460].

7 февраля 1797 г. Павел I принял присланного Вюртемберг-Штуттгардским двором посланника графа Пиклера [см.: Там же, 1896б, с. 271], 12 июля того же года к нему прибыл «присланный от Прусского к Российскому двору министром генерал Гребен» [Там же, 1897б, с. 551], а 14 сентября — португальский посланник шевадье де Гота «с кредитивною от себя грамотою»⁶ [Там же, с. 918]. 27 апреля 1797 г. «был допущен на аудиенцию грузинский посол князь Тивчеви» [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897а, с. 149],

⁴ Антуан Мареска Серра-Каприола (дон Антонин-Мареска Доннорсо дюк де-Серра-Каприола) (1750—1822) — герцог, неаполитанский посланник в Санкт-Петербурге с 1782 г. [см.: Внешняя политика..., т. 1, с. 742; Бантыш-Каменский, с. 266]. Павел I наградил его орденом Святого Иоанна Иерусалимского Большого креста и Андреевской лентой [см.: Русские портреты XVIII и XIX столетий, с. 102].

⁵ Людвиг Богислас Христофор Стединг (Штединг) (1746—1837) — шведский дипломат и генерал, в 1772—1808 гг. и 1809 — 1811 гг. посланник в Санкт-Петербурге [Внешняя политика..., т. 6 (14), с. 889]. Штединг был представлен Павлу I 1 января 1797 г. [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896б, с. 2].

⁶ Кредитивная (верительная) грамота — «грамота, которой назначающий дипломатического агента (монарх или в республиках — дож, совет, земские чины или сенат) определяет и объявляет иностранному правительству тот характер или звание, в коем данное лицо при нем является аккредитованным. Обыкновенно кредитивная грамота изготовлялась в двух экземплярах (оригинал и засвидетельствованная копия)» [Александренко, с. 142—143]. Копию посол отдавал канцлеру и вице-канцлеру, а оригинал — императору на приемной аудиенции [см.: Волков, с. 114, 115].

а 25 ноября 1800 г. тайным советником Лашкаревым⁷ были представлены императору «грузинские посланники Гарсион Елиазар и Георгий» [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1900, с. 513].

8 июля 1800 г. в Петергофе императору и членам императорской фамилии был представлен прусский посланник граф Люцци [Там же, с. 26], 30 августа того же года император принимал в Гатчине датского посланника Розенкранца [Там же, с. 216], а 7 октября «на приватной аудиенции» у Павла I побывали депутаты Республики Соединенных Новых Островов, «действительные тайные советники Орио⁸ и Кадан» [Там же, с. 346].

Некоторое представление об особенностях церемониала приемной аудиенции иностранных послов дает описание их приемов в «Камер-фурьерских церемониальных журналах». 26 января 1798 г. Павел I и императрица приняли Вюртемберг-Штудгардского посланника Милиуса:

В половине 6-го часа Его Императорское Величество из внутренних покоев изволил выдти в Тронную комнату, куда введен был церемониймейстером князем Барятинским из Кавалергардской комнаты от Двора Виртемберг-Штудгардского посланник генерал-майор Милиус и в оной допущен на аудиенцию к Его Императорскому Величеству, при чем находились: обер-церемониймейстер Валуев и церемониймейстер князь Барятинский, об аудиенции докладывал обер-камергер граф Строганов. После же сего... означенный посланник позван был во внутренние Ее Императорского Величества покои и в кабинете принимал такую же аудиенцию [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897г, с. 124].

24 февраля 1801 г. состоялась приемная аудиенция датского посла Левендаля:

В первой четверти 1-го часа пополудни приехавший перед тем в Михайловский замок датско-королевский министр генерал-майор 2-го ранга граф Левендаль допущен был на приемную аудиенцию, как к Его Величеству государю императору, так и к Ее Величеству государыне императрице в Малиновых Тронных комнатах, причем о посланнике докладывал обер-камергер граф Шереметев, а вводил на аудиенцию церемониймейстер князь Радзивил. Потом имел же аудиенцию означенный министр граф Левендаль у их императорских высочеств: государя наследника цесаревича и государя ж цесаревича великого князя Константина Павловича на каждой половине особо» [Там же, 1901, с. 180].

«Чужестранные послы и министры», как и «знатные вояжиры», придворные, знатное духовенство и генералитет, приглашались на праздники, проводившиеся при императорском дворе, особыми повестками, что соответствовало нормам Церемониала для чужестранных послов при императорском всероссийском дворе, введенного 3 апреля 1744 г. [см.: Волков, с. 117].

---

⁷ В 1797 г. при коллегии иностранных дел был образован департамент азиатских дел, управляющими которого были назначены действительный статский советник Лашкарев и коллежский советник Константинов [Очерк истории Министерства иностранных дел, с. 69].

⁸ 13 января 1801 г. граф Орио, президент сената Республики Семи Соединенных Островов был удостоен прощальной аудиенции [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1901, с. 44].

Посольский церемониал XVIII в. предполагал «почетные преимущества и почетные места членов дипломатического корпуса при взаимных сношениях, в общественных собраниях и конференциях с иностранным правительством» [Александренко, с. 245]. Источники свидетельствуют о соблюдении этих норм при Павле I. Так, например, согласно записи в «Камер-фурьерском журнале», во время «шествования на Иордан» 6 января 1798 г., в «день праздника Богоявления Господня», «для обозрения сего процесса находились на половине великой княжны Александры Павловны в парадной первой комнате господя чужестранные послы и министры, и для оных подаван был кофе и фриштик» [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897г, с. 36]. При описании событий, произошедших 6 февраля 1798 г., в день крещения новорожденного великого князя Михаила Павловича, составитель придворного журнала отметил, что «чужестранные министры введены одним из императорских церемониймейстеров в церковь и поставлены в приличное для них место», откуда они могли наблюдать не только за проведением обряда крещения, но и за тем, как «канцлер орденой князь Репнин поднес на золотой тарелке знаки ордена, которые Его Императорское Величество изволил возложить на Высокорожденного Благоверного великого князя Михаила Павловича» [Там же, с. 174, 178].

Нередко в праздничные дни после посещения богослужения в церкви Павел I «краткое время» беседовал с иностранными дипломатами, затем принимал от них поздравления и «жаловал их к руке» [см.: Там же, с. 116, 166, 170, 373, 405]. 9 марта 1798 г., когда при дворе праздновали сороковой день после рождения великого князя Михаила Павловича, от лица всего дипломатического корпуса императрицу поздравил мальтийский «полномочный посол граф Литта», который произнес «краткую поздравительную речь на французском языке», после чего «все особы», присутствующие на торжестве, были «жалованы к руке» [Там же, с. 299].

Во время придворных балов императрица иногда приглашала иностранных дипломатов на игру в карты в пикет [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897в, с. 1207, 1311; 1898а, с. 682; 1898б, с. 1086, 1397].

Некоторые знатные иностранцы были удостоены особой чести — награждения орденом или Мальтийским крестом. 17 января 1798 г. Павел I вручил орден Александра Невского прусскому посланнику графу Клейсту, прибывшему в декабре 1797 г. «с извещением о восшествии на престол короля» Фридриха Вильгельма III [см.: Там же, 1897в, с. 1361; 1897г, с. 90]. 20 марта 1798 г. в аудиенц-камере в присутствии канцлера, вице-канцлера, обер-церемониймейстера и дежурного генерал-адъютанта «государь возложил крест Мальтийский» на неаполитанского посланника Серра-Каприолу [см.: Там же, 1897г, с. 335—336]. 20 августа 1799 г. орден Св. Андрея Первозванного получил от императора баварский герцог Вильгельм Биргенфельд фон Берн, а его сын, герцог Пий Баварский, 1 сентября того же года был пожалован орденом Св. Александра Невского [см.: Там же, 1898б, с. 1274, 1291]. 16 сентября 1800 г. Павел I наградил орденом Андрея Первозванного приехавшего из Неаполя принца Пиамонте Паентея, который привез присланные неаполитанским королем ордена Святого Фердинанда для императо-

ра, императрицы, великого князя Александра Павловича [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1900, с. 270—271, 283—284].

Особой пышностью отличался церемониал встречи прибывших в Россию коронованных особ и принцев крови. 8 февраля 1799 г. в Санкт-Петербург приехал эрцгерцог Иосиф Австрийский («под именем графа Бургау») для обручения с великой княжной Александрой Павловной, состоявшегося 20 февраля [см.: Там же, 1898а, с. 179—180, 268]. 17 февраля того же года жители столицы могли наблюдать въезд в Мраморный дворец принцев Мекленбург-Шверинских, Фридриха и Карла [Там же, с. 239], а 5 мая наследный принц Мекленбург-Шверинский Фридрих обручился с великой княжной Еленой Павловной [Там же, с. 664—670]. В октябре 1799 г. эрцгерцог Иосиф Австрийский со своей свитой вновь прибыл в Россию для того, чтобы 19 октября вступить в брак с великой княжной Александрой Павловной [см.: Там же, 1898б, с. 1463, 1571—1572]. Их свадьба праздновалась в Гатчинском дворце, где за семь дней до этого, 12 октября, состоялось бракосочетание наследного принца Мекленбург-Шверинского Фридриха с великой княжной Еленой Павловной. Гатчинский дворец был слишком тесен, чтобы вместить всех гостей, прибывших на эти торжества, поэтому столы накрывались и за его пределами, в домах придворных. В частности, 12 октября «чужестранные послы и министры» обедали и ужинали «в Иннебурге⁹, в доме господина Демидова»¹⁰, а «Святейшего Синода члены с знатным духовенством» кушали в доме гофмаршала Нащокина¹¹ [Там же, с. 1510, 1518]. Одной из самых пышных церемоний, связанных со свадебными торжествами, стала «публичная аудиенция» императорской фамилии «цесарскому послу графу Кобенцелю» в Гатчинском дворце, состоявшаяся 26 октября. Чтобы составить представление о том, насколько необычным был этот торжественный прием, достаточно привести описание посольского кортежа, в состав которого входили:

1-е. Конвой гвардии с обнаженными палашами. 2-е. Карета придворная обер-церемониймейстера цугом с двумя вершниками, по сторонам по одному

⁹ Иннебург — гатчинское предместье Ингербург, в котором к 1798 г. с разрешения Павла I были построены каменные домики, окруженные садами, для придворных — Нелидовой, Плещеева, князя Куракина, Дурново, князя Голицына, Бакунина, Демидова, Кутайсова, Нарышкина и графини Шуваловой [см.: Казнаков, с. 120, 123; Лансере, с. 11].

¹⁰ «Господа чужестранные послы и министры обще с господином обер-церемониймейстером Валухевым и церемониймейстером графом Головкиным» обедали «в слободе, в доме камергера Демидова» и 20 сентября 1799 г., когда в Гатчине праздновался день рождения Павла I, и на следующий день [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1898б, с. 1394—1395, 1405]. Видимо, речь идет о Григории Александровиче Демидове (1765—1827), камергере с 29 октября 1798 г, гофмаршале с 15 октября 1800 г. [см.: Волков, с. 171]. 21 октября 1799 г. «камергер Демидов» находился «при услугах» во время обеда императорской фамилии в Гатчинском дворце [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1898б, с. 1615, 1618]. В камер-фурьерских журналах за 1798—1799 гг. «камергер Григорий Александрович Демидов» неоднократно упоминается в числе придворных, которые несли шлейф императора, императрицы или великой княжны [см.: Там же, 1897д, с. 1493, 1530; 1898а, с. 48].

¹¹ Нащокин Алексей Петрович (1761—1839) — камер-юнкер с 22 сентября 1785 г., камергер со 2 сентября 1793 г., гофмаршал с 6 сентября 1798 г. [см.: Волков, с. 170].

лакею пеших. 3-е. Конюшенный офицер, за ним — конюх, оба верхом. 4-е. 12-ть заводных императорских лошадей, по две в ряд, по обе стороны улицы. 5-е. Карета придворная цугом с двумя вершниками, по одному лакею по сторонам, в которой сидели секретарь и кавалер посольства, держащий на золотом блюде дары. 6-е. За сей каретой — посольского дома берейтор, за ним — конюх. 7-е. 8-мь лакеев посольских пеших, по два в ряд, по обе стороны улицы. 8-е. Конюшенный офицер, за ним — конюх, оба верхом. 9-е. 6-ть ездовых придворных конюхов верхом, по два в ряд, по обе стороны улицы. 10-е. 6-ть лейб-гусар верхом, по два в ряд, по обе стороны улицы. 11-е. Гоф-фурьер, за ним — конюх, оба верхом. 12-е. 24 лакея и 4 скорохода, по два в ряд, по обе стороны улицы. 13-е. Карета цугом, в которой сидели: посол в первом месте, комиссар — во втором, а обер-церемониймейстер — в 3-м. У кареты — по два гайдука на стороне пешком, у задних колес — по одному императорскому пажу, а за каретою — два конюха, все верхом. 14-е. За императорскою каретою следовали: посольский берейтор, за ним — конюх, оба верхом. 15-е. Два посольских скорохода по обе стороны улицы. 16-е. Посольская первенствующая карета цугом с двумя вершниками, у колеса на правой стороне его — берейтор, за каретою — конюх, оба верхом. 17-е. Другая посольская карета с двумя вершниками — для его свиты. 18-е. Парадная карета цугом комиссара с двумя вершниками, по два лакея по сторонам. 19-е. Замыкал весь кортеж конвой конный [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1898б, с. 1653—1658].

Введенный в аудиенц-зал посол после трех поклонов поднялся на вторую ступень трона и обратился с речью к императору, а затем к императрице. Выслушав ответ графа Ростопчина, он поздравил эрцгерцогиню Австрийскую и преподнес ей «дары», приняв которые, она удостоила его своим ответом [Там же, с. 1660—1661].

29 ноября 1800 г. в Санкт-Петербург прибыл шведский король Густа в IV [см.: Там же, 1900, с. 524], сопровождаемый большой свитой, в которую входили: «камер-юнкеры Миллер-Сверд и барон Лагирбиелке, адмирал Кронштет, камергер граф Левингельм, генерал-лейтенант Толь, гофмаршал Дебиц, гофмейстер Меню» [Там же, с. 568, 570]. Он был встречен Павлом I «с большим почетом и с выражениями полной дружбы» [Шумигорский, с. 197].

Представление о том, каким был церемониал встречи коронованных особ, можно составить по описанию встречи бывшего польского короля Станислава Августа Понятовского, подписавшего акт отречения от власти 14(25) ноября 1795 г. и в конце февраля 1797 г. приехавшего из Гродно на мызу графини Скавронской [см.: Пуле, с. 119, 201]. Обратимся к записи в «Камер-фурьерском журнале»: 27 февраля «пополудни, в 3-м часу, послано было на встречу польского короля семь придворных карет с сидевшими в оных с вице-канцлером князем Куракиным четырьмя кавалерами и церемонийместером князем Бяратинским; в кортеже ехал верхом шталмейстер князь Николай Алексеевич Голицын, два гоф-фурьера, конвой кавалергардов и конвой гусаров на мызу к графине Скавронской, куда посланы были гоф-фурьер и два официанта для угощения кофе-ем» [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1896б, с. 395]. В 4 часа Павел I с великими князьями выехал для встречи короля в Мраморный дворец, в который тот прибыл около шести часов вечера в парадной карете, сопровождаемый

польскими кавалерами [Там же, с. 397]. На следующий день, 28 февраля, состоялся прием Станислава Августа Понятовского при дворе Павла I [Там же, с. 402]. Бывший польский король жил в Санкт-Петербурге в Мраморном дворце до своей смерти, последовавшей в феврале 1798 г.¹² Граф П. В. Завадовский в одном из своих писем заметил по этому поводу: «Реки не текут к своим вершинам; а он положил там голову, откуда получил корону. Для города его дом был приятным. Любил беседу и всех принимал ласково» [Архив князя Воронцова, кн. 12, с. 192—193].

Кроме бывшего польского короля, Россию в период правления Павла I посещали и другие высокопоставленные эмигранты. 19 августа 1797 г. Павел I заявил о своей готовности принять на службу «п р и н ц а К о н д е с его сыном и внуком и со всем войском, под его начальством служившим и жертвою усердия своего к законному их государю учинившимся, доставляя им в империи нашей беспечное пристанище и по возможности выгодное пристроение» [Там же, кн. 28, с. 172]. В ноябре 1797 г. корпус войск принца Конде, состоящий из французских эмигрантов численностью до 7 тыс. человек, был размещен на квартирах в Волынской и Подольской губерниях и обеспечен содержанием наравне с русскими войсками, а сам принц прибыл в Санкт-Петербург, чтобы поблагодарить Павла I за оказанную ему помощь [см.: Шумигорский, с. 144]. Чтобы сделать подарок принцу, Павел I купил для него дом Чернышева, на котором даже установили надпись «отель де Конде», но не успели закончить отделку дома, поэтому принц остановился в Таврическом дворце [Мемуары графини Головиной, с. 175]. 22 ноября состоялся прием принца Конде Павлом I, зафиксированный в «Камер-фурьерском журнале»: «От Двора Его Императорского Величества послан офицер курьером к Его Светлости принцу Конде о донесении ему для прибытия в Зимний Его Императорского Величества замок, который, получа оное, из пребывающего им Таврического дворца прибыл в придворном экипаже на подъезд, что под фонариком, у коего и встречен на первый раз гоф-фурьером и препровожден оным... в покои дворца, и у дверей комнаты адъютантской встретил вице-канцлер князь Куракин, коим и был проводим во внутренние покои к Его Императорскому Величеству» [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897в, с. 1249—1250]. 29 ноября Павел I наградил своих сыновей и принца Конде орденами, которые привез мальтийский посол граф Литта [Там же, с. 1295].

Но даже особам королевской крови не позволялось нарушать придворный церемониал, возносивший российского императора на недостижимую высоту. В частности, Павел I немедленно пресек попытку нашедшего приют в России бывшего польского короля, страдавшего подагрой, присесть на одном из придворных приемов, передав ему через камергера требование стоять в присут-

---

¹² 11 февраля 1798 г. Павел I приехал в Мраморный дворец и возложил корону на голову покойного Станислава Августа Понятовского, а 22 февраля тело короля было перенесено в католическую церковь на Невском, где он и был похоронен [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897г, с. 198, 234]. Похороны короля прошли «со всеми почестями, приличествующими его сану» [см.: Божерянов, с. 306].

ствии императора [см.: Шумигорский, с. 116—117]. Характеризуя положение, в котором оказался польский король, графиня Головина отмечала: «Роль, которую он играл в Петербурге, не могла не быть тягостной для человека его ума и самолюбия... Ему приходилось часто появляться при дворе и потому часто подвергаться, как и остальным, проявлениям изменчивости настроения государя; но в его положении и в том возрасте, в котором находился король, ему, конечно, было особенно тяжело выносить их» [Мемуары графини Головиной, с. 173—174]. Раздражение Павла I вызвало и непочтительное по отношению к нему поведение шведского короля Густава IV, которого он с должными почестями встретил в ноябре 1800 г. Во-первых, «когда во время церемониального марша император, во главе войск, лично отдал честь высокому гостю, гость этот ответил только легким наклоном головы» [Шумигорский, с. 197]. Во-вторых, шведский король ответил отказом на переданную ему просьбу Павла I дать орден Святого Серафима для любимого императором обер-шталмейстера Кутайсова под тем предлогом, что тот еще не имеет ордена Андрея Первозванного [Там же, с. 198]. Кроме того, недовольство императора вызвало и поведение короля во время спектакля в Эрмитаже. Когда смотрели «Прекрасную Арсен» и на угольщиках, появляющихся в третьем акте, были надеты красные колпачки, король пошутил по этому поводу, сказав императору: «Оказывается, у вас тут есть якобинцы», на что Павел I сухо ответил, что их нет у него при дворе и он не потерпит их присутствия в своем государстве [Мемуары графини Головиной, с. 212—213]. Эти эксцессы привели к охлаждению отношений между Густавом IV и Павлом I, поэтому король решил сократить свое пребывание в Санкт-Петербурге, а Павел I отдал приказ вернуть придворную кухню и свиту, которые должны были провожать короля до шведской границы [Там же, с. 213; Шумигорский, с. 197—198].

Вынашивая планы «воспитать в дворянстве дисциплину и нравственность с помощью великого христианского ордена», присвоить себе «роль защитника всего христианства, и католического, и православного» [Уортман, с. 249], 4 января 1797 г. Павел I принял под свое покровительство Мальтийский рыцарский орден. Для того, чтобы основать этот орден в России «яко полезный и к утверждению добрых правил служащий» он «повелел учинить в Санкт-Петербурге конвенцию в XXVII статьях между уполномоченными: с российской стороны, министрами графом Безбородко и князем Куракиным, с[о] стороны же Мальтийского державного ордена и гроссмейстера — министром балли графом Литтою» [Бантыш-Каменский, с. 226]. В соответствии с 24-й статьей этой конвенции российским подданным разрешалось «заводить новые родовые или юс-патрионатские командорства в российском приорстве»¹³ [Там же, с. 227]. 4 марта 1797 г. приехавший в Санкт-Петербург мальтийский посланник граф Литта был принят Павлом I [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал,

¹³ В числе лиц, заключивших конвенции об основании родовых командорств, были действительный камергер барон Александр Строганов (26 февраля 1799 г.), камергер Николай Демидов (23 марта 1799 г.), уволенный от службы обер-камергер граф Александр Строганов (24 мая 1779 г.) и др. [см.: Бантыш-Каменский, с. 227].

18966, с. 431]. 27 ноября 1797 г. граф Литта вновь «имел въезд» «в столичный град Святого Петра... по учрежденному на то церемониалу» [Там же, 1897в, с. 1277]. Описывая торжественное прибытие графа Литта в Санкт-Петербург, Сестренцевич отметил в своем дневнике: «36 карет обыкновенных и 4 придворных ехали впереди его, в одной из придворных карет сидел с князем Юсуповым и Валуевым посол» [Морошкин, с. 320]. В этот же день «в дом прибывшего графа Литта посланы были с поздравлением его приезда в Санкт-Петербург дежурные камергеры в придворных каретах; в первой: от Его Императорского Величества барон Строганов, а во второй — от Ее Императорского Величества граф Сергей Николаевич Салтыков» [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897в, с. 1278]. 29 ноября, в день праздника ордена Святого Иоанна Иерусалимского, граф Литта с сопровождавшими его лицами был принят в Зимнем дворце. Подробное описание церемонии его приема приведено в «Камер-фурьерском журнале»: «По полудни, в 1-м часу... в посланном от двора Его Императорского Величества экипаже с кортежем прибыл во дворец Мальтийский полномочный посол», который был введен в аудиенц-камеру, где «по учинении... трех приличных по церемониальному поклонов» он, «взошед ... на ковер Трона, произносил речь Его Императорскому Величеству, а по произнесении оной поднес Его Величеству грамоту», которую император передал канцлеру князю Безбородко, и ордена, которые принял вице-канцлер князь Куракин. Затем Литта представил Павлу I «всех особ своей свиты», после чего «положил... три поклона и отходил из аудиенц-камеры... в камеру ожидания» [Там же, с. 1287—1291].

Согласно церемониалу, Литта был официально принят императрицей, великими князьями Александром Павловичем, Константином Павловичем и его супругой, великими княжнами [Там же, с. 1293—1294]. По словам Сестренцевича, в своей речи Литта «просил императора принять титул протектора религии мальтийских рыцарей и крест знаменитого гроссмейстера их ордена Лавалета, сохранявшийся доселе в их сокровищнице вместе с драгоценными мощами. Потом просил, чтобы императрица и вся царская фамилия приняли также кресты... Император согласился на предложение посланника, а равно и дети его... Император украсил также крестом Мальтийского ордена принца Конде, как великого приора, Безбородко, Куракина, как почетных и полномочных бальи ордена, потом, как командоров: Чарторижского, Радзивила, Грибовского, Сэн-При и других» [Морошкин, с. 320; Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897в, с. 1295, 1296]. Еще более важным событием стал приезд графа Литты в Россию в конце ноября 1798 г. 29 ноября этого года состоялась пышная церемония приема Павлом I депутации капитула ордена Святого Иоанна Иерусалимского, описание которой приведено в «Камер-фурьерском журнале»:

Поутру, после учиненного в 9-ть часов верхового выезда и потом присутствия Его Величества у развода, начиная из Георгиевского зала, от самого Трона и до дверей Светлой галереи, расставлена в богатом уборе с малиновыми в первый раз перевязями по обеим сторонам Конная гвардия с штандартом и литаврами.

Потом, в силу учиненной накануне сего числа повестки, того утра в 11-м часу съехались во дворец в орденских одеяниях Российского Кавалерского

Ордена кавалеры всех именований, дамы и кавалерственные дамы ордена 2-го класса именованная Святой Великомученицы Екатерины и кавалеры Военного ордена, и собирались все в Георгиевской зале, при чем находились чужестранные министры и прочие обою пола знатные особы, дамы в робах, кавалеры в праздничных кафтанах, а военнотружущие в полном мундире, да сверх того вся верхняя галерея наполнена была чрез полученные для входа в оную билеты женского пола зрителями.

Между тем во внутренние апартаменты к Их Величествам прибыть изволили Их Императорские Высочества: государь наследник и великий князь Александр Павлович, великий князь Константин Павлович и великие княжны: Александра Павловна, Елена Павловна, Мария Павловна и Екатерина Павловна.

Потом, как уже депутация находилась в камере ожидания и в оной, между имевшимся приуготовленным до того оними кавалерами фрыштыком, в 11-ть часов пред полуднем вынесены были из Бриллиантовой комнаты по Высочайшему повелению, в предследовании обер-церемониймейстера и церемониймейстеров, четырьмя придворными чиновниками императорские регалии; Корону нес гофмаршал граф Толстой, Скипетр — шталмейстер Торсуков, Державу — гофмейстер Гурьев, а Государственное Знамя — гофмейстер князь Вяземский, имея каждый из них ассистентами по два орденских герольда. И по принесении тех регалий господин обер-церемониймейстер, принимая, клал на приуготовленный накануне сего числа на правой стороне на Троне стол, покрытый малиновым бархатом и обложенный по краям золотым гасом, а Знамя принял генерал-лейтенант и кавалер 1-й степени ордена Святой Анны Чертков, который во время всей церемонии и находился по правую сторону у самого Трона, имея при себе ассистентами двух кавалеров военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия.

Когда же донесено было, наперед государыне императрице, а потом и государю императору, что кавалеры ордена Святого Иоанна Иерусалимского находятся в камере ожидания, пред полуднем, в начале 12 часа, из внутренних своих покоев шествовали чрез Эрмитаж в комнату, что пред Георгиевской залой, следующим порядком:

Два камер-фурьера.

Их Высочества государи великие князья.

Два гофмаршала и обер-гофмаршал с жезлами.

Господин обер-церемониймейстер Валуев.

За ним Ее императорское Величество, а за ее высочайшею Особою Его Императорское Величество.

Потом государыни великие княжны Александра Павловна, Елена Павловна, Мария Павловна и Екатерина Павловна, а из комнаты, что пред Георгиевской залой, шествовали в оной уже установленным в орденские дни порядком. Его Императорское Величество соизволил взойти прямо на Трон, за высочайшею его особою государыня императрица, а их императорские высочества соизволили занять свои места по примеру празднуемого ноября 8-го числа всеобщего Российского ордена Михаила Архангела, по ступеням Трона.

На четвертой ступени Трона стали по правую сторону вице-канцлер Кочубей, а по левую — третий член государственной коллегии иностранных дел действительный тайный советник Ростопчин, а на пятой — орденской канцлер и обер-маршал, на шестой — орденские обер-церемониймейстер и в должности казначея тайный советник Бибииков, на седьмой — гофмаршалы, у Трона с пра-

вой стороны — кавалеры с Знаменем, а с левой оставлено было место для Знамя Святого Иоанна Иерусалимского.

Потом, по высочайшему государя императора повелению введена была депутация на аудиенцию нижеследующим порядком.

Обер-церемониймейстер один, за ним по два в ряд орденские официалы Российского Кавалерского ордена двух младших классов.

За официалами императорского ордена следовала депутация: два сервандарм с обнаженными шпагами, имея шляпы на голове, знаменосец того ордена с Знаменем, с своими ассистентами, еще два сервандарм, таким же образом, как и первые, орденской секретарь один, за ними четыре кавалера, несущие регалии того ордена и акт прокламации, в числе коих Корону нес кавалер большого креста его светлость канцлер князь Безбородко, кавалеры по два в ряд, младшие наперед, за ними поручик ордена и Великого Магистра граф Литта, имея по сторонам четырех пажей немного впереди и четырех же немного позади. Как скоро знаменосец занял свое место по левую сторону Трона и прочие кавалеры с регалиями и без регалиев стали на назначенные им места, поручик, по учинении с обер-церемониймейстером узаконенных трех поклонов, подошел к Трону, произнесил речь и читал прокламацию, по окончании которой провозглашали именем всего капитула государя Великим Магистром ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Вице-канцлер, выступя тогда немного вперед, на четвертой ступени Трона отвечал депутации и всему капитулу именем Его Императорского Величества. По окончании ответа государь император, оба государя великих князя и все кавалеры ордена Святого Иоанна Иерусалимского во ознаменование присяги воздевали шляпы, обнажали и уклоняли шпаги, а знаменосец орденское Знамя. И когда потом вложили шпаги и сняли шляпы, подносил граф Литта по порядку, выходя на вторую ступень Трона снизу, Великому Магистру акт прокламации и регалии ордена Святого Иоанна Иерусалимского, которые по высочайшему повелению действительный тайный советник Ростопчин принимал и возлагал на приуготовленный для того накануне сего числа на Троне с левой стороны стол, покрытый малиновым бархатом и по краям обложенный золотым гасом. Потом подносили Великому Магистру поздравление: государыня императрица и оба государя великие князья, а после высочайших особ с коленопреклонением Великому Магистру и все прочие того ордена кавалеры и официалы, которые и допущены были к руке государя императора и государыни императрицы. По поднесении поздравления возложил Великий Магистр большой крест Святого Иоанна Иерусалимского на полномочного посла графа Кобенцеля, всемилостивейше пожаловав командорами кавалеров того ордена: князя Четвертинского 2-го, графа Шоазеля-Гуфье, графа Хрептовича, господина Витри-Шуазоля-Далиескур, князя Любомирского, господина Фувет-Поит и господина Заде [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1897д, с. 1522—1529].

Получив титул Великого магистра ордена Святого Иоанна Иерусалимского, Павел I неоднократно принимал депутатов от приорств этого ордена. В частности, 3 августа 1799 г. в Петергофском дворце он дал аудиенцию депутации Великого приорства Богемского. Представляющие депутацию особы были доставлены в сопровождении присланного за ними церемониймейстера в запряженной шестью лошадьми парадной карете, «по обеим сторонам коей шли по два гайдука», а впереди нее передвигались «два вершника» и два скорохода.

[см.: Там же, 18986, с. 1143]. Павел I принял депутатов, восседая на престоле в мантии и суперверсе и возложив на себя корону Великого магистра. Ход аудиенции зафиксирован в «Камер-фурьерском журнале»:

Когда депутаты, по входе в аудиенц-камеру, сделали по обыкновению три поклона, тогда граф Коловрат, яко старший, вышел вперед, сказывал речь и по окончании оной, взяв у графа Сен-Жулиана блюдо, на коем были положены декларация оных депутатов от имени Великого Приорства Богемского и письмо от барона Гомпеша, поднес государю императору и, отдав все великому канцлеру ордена, подошел с графом Сен-Жулианом в знак преданности и повиновения к руке Великого Магистра. После чего великий канцлер ордена прочитал по сделанному от государя знаку ответную господам депутатам от лица Его Императорского Величества речь, и по окончании коей весь Священный Совет и Двор Великого Магистра допущены были к руке [Там же, с. 1145–1146].

Затем депутаты были представлены цесаревичу Александру Павловичу и четырем старшим великим княжнам.

12 ноября 1799 г. в Гатчинском дворце состоялся торжественный прием англо-баваро-российских депутатов ордена Св. Иоанна Иерусалимского, в числе которых были командоры граф Деарко и граф Преисинг, а также великий приор барон Флаксланден, возглавлявший депутацию Англо-баварского приорства [см.: Там же, с. 1761–1762, 1773]. По словам аббата Жоржеля, 29 декабря того же года Павел I принимал еще одну депутацию — представителей Великого приорства Германского, которую возглавлял граф Феррет Флоримонт, великий Бальи Пфюрдт-Блумбергский и барон Баденский, командор Везельский¹⁴ [Вяземский, с. 180]. В 1800 г. в Санкт-Петербурге побывал командор Оззани, депутат баварский, который «счастье имел откланяться Их Императорским Величествам» 18 ноября этого года [см.: Там же, 1900, с. 491]. 5 сентября 1800 г. на частную аудиенцию к Павлу I, состоявшуюся в Гатчинском дворце, был введен графом Ростопчиным и церемониймейстером де-Мезоннев «ордена Святого Иоанна Иерусалимского депутат, приорат Ломбердинский, командор Оссаско» [Там же, с. 243–244].

8 января 1800 г. Павел I в качестве Великого магистра ордена Иоанна Иерусалимского принял неаполитанского посланника Серра-Каприолу. В «Камер-фурьерском журнале» приведено достаточно подробное описание этого торжественного приема:

В посланном от Двора Его Императорского Величества дворцовом экипаже с имеющимися впереди кареты двумя ездовыми, ехавшими верхом, и за оными пешими двумя ж скороходами, и с каждой стороны у дверей кареты по одному гайдуку, а у стекла ехавшим же верхом одним конюшенным офицером, в начале 1-го часа пополудни приехал сюда в Зимний Его Императорского Величества

---

¹⁴ Великий Бальи барон Пфюрдт и генерал кавалерии барон Флаксандес участвовали в заседании первого Совета ордена Св. Иоанна Иерусалимского, собранного Павлом 1 апреля 1799 г. [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1898а, с. 492–493].

дворец на Большой, что внутри оно, подъезд, неаполитанский посланник Дюк Серра Каприола, которого и встретя на том подъезде, два императорских гоф-фурьера препроводили его в назначенную для ожидания комнату, и Его Императорское Величество, получа о сем донесение, изволил в Орденской Святого Иоанна Иерусалимского короне и мантии из внутренних своих покоев выйти и в аудиенц-камере сесть на императорский свой престол, на котором имел с правой стороны государя наследника, а за оным кавалергардского корпуса шефа, генерал-майора Уварова, и от трона по обеим сторонам всех ордена кавалеров, которые находились каждый по старшинству в своем месте, в орденских же одеяниях, а между тем с левой стороны вынесенное пред Его Величеством Орденское ж знамя. И когда обер-церемонийместер, получа от государя императора повеление, в четверть 1-го часа ввел означенного посланника в помянутую аудиенц-камеру, то, учиня оные все три достодолжные свои поклоны, поднес тогда посланник и читал Его Императорскому Величеству присланный от двух Великих Неаполитанских приорств и от третьего Великого Приорства Сицилии акт, который и нес за посланником командор Хрептович. По прочтении же акта посланник подходил к руке Его Императорского Величества, а господин действительный тайный советник граф Ростопчин, взяв оный, читал по Высочайшему повелению от имени Его Императорского Величества приличный же тому ответ, после которого, как государь наследник и его светлость принц Карл Мекленбург-Шверинский, так равно с коленопреклонением и все присутствующие, притом по старшинству сего ордена, кавалеры, в числе которых и духовные особы, токмо без коленопреклонения, подходили к руке Его Императорского Величества, а по отпущении посла с аудиенции, изволил Его Императорское Величество отсутствовать во внутренние свои покои, быв в оные в сопровождении несшими шлейф Его мантии императорскими и других Дворов, не имеющими того ордена шестью камергерами, а конец оног обер-шенком Загряжским, как равно и знамя сего ордена обыкновенным того знаменосцем с ассистентами отнесено было тож во внутренние покои [Камер-фурьерский церемониальный журнал, 1899, с. 33–35].

Кроме членов дипломатического корпуса, королей и принцев крови, на приемах у Павла I иногда бывали и не столь высокопоставленные особы из числа иностранцев. Так, например, 22 июля 1799 г. в Петергофе императорской чете были представлены обер-камергером графом Шереметевым «прежде бывший римский сенатор князь Рецо на го» и «английский вояжир М а т и о к с» [см.: Там же, 1898б, с. 1085]. 30 августа 1799 г. в Гатчинском дворце были приняты: «бывший сенатор аглинской службы барон Мецинаго и вояжир барон Огер», первый — «откланивался» в связи с отъездом из России, а второй — представлялся по случаю приезда [Там же, с. 1281]. 29 июля 1799 г. в Петергофском дворце граф Ростопчин представил «приехавших... морским путем датских кадетов с их чиновниками» [Там же, с. 1117]. Павел I не только беседовал «с главными их начальниками», но и, стоя на балконе после бала, приказал «стоявших перед дворцом с датского судна гребцов обнести водкою и кто что употребляет и пожаловать при том на всех сто рублей серебром» [Там же, с. 1118].

Таким образом, основные положения церемониала приемных отпускных и других аудиенций иностранных послов при императорском дворе, введенные

при Елизавете Петровне 3 апреля 1744 г., продолжали соблюдаться и в период правления императора Павла I. В соответствии с посольским этикетом XVIII в. «чужестранным послам и министрам» отводились почетные места во время придворных праздников, некоторые из них награждались орденами. Вместе с тем Павел I ввел жесткую регламентацию придворных церемоний, с которой вынуждены были считаться все приглашенные на них иностранцы, в том числе и особы королевской крови. Аудиенции знатных иностранцев при российском дворе приобрели особую пышность и торжественность после принятия Павлом I титула Великого магистра Мальтийского ордена. Император вел приемы, восседавая на троне в короне ордена Святого Иоанна Иерусалимского и мантии, осеняемый знаменем ордена Иоанна Иерусалимского и окружаемый кавалерами этого ордена. Эти рыцарские ритуалы возвышали монарха и элиту и оправдывали их превосходство [см.: Уортман, с. 250].

Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Т. 1. Варшава, 1897. 549 с. [Aleksandrenko V. N. Russkije diplomaticheskie agenty v Londone v XVIII v. T. 1. Varshava, 1897. 549 s.]

Архив князя Воронцова. Кн. 12. М., 1877. 485 с.; Кн. 28. М., 1883. 590 с. [Arkhiv knyazy Vorontsova. Kn. 12. M., 1877. 485 s.; Kn. 28. M., 1883. 590 s.]

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год) : в 2 ч. М., 1896. 278 с. [Bantysh-Kamenskij N. N. Obzor vneshnikh snoshenij Rossii (po 1800 god) : v 2 ch. M., 1896. 278 s.]

Божеянов И. Н. Невский проспект, 1703—1903 : культ.-ист. очерк жизни Санкт-Петербурга за два века, XVIII и XIX. СПб., 1910. 540 с. [Bozheryanov I. N. Nevskij prospekt, 1703—1903 : kul't.-ist. ocherk zhizni Sankt-Peterburga za dva veka, XVIII i XIX. SPb., 1910. 540 s.]

Вейдмейер А. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. Т. 2. СПб., 1846. 222 с. [Vejdemejer A. Dvor i zamechatel'nye lyudi v Rossii vo vtoroj polovine XVIII stoletiya. T. 2. SPb., 1846. 222 s.]

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. Сер. 1. Т. 1, 6. М., 1960. 799 с. [Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka. Dokumenty rossijskogo ministerstva inostrannykh del. Ser. 1. T. 1, 6. M., 1960. 799 s.]

Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900. 265 с. [Volkov N. E. Dvor russkikh imperatorov v ego proshlom i nastoyaschem. SPb., 1900. 265 s.]

Вяземский П. Депеши графа Литты, посланника Мальтийского ордена в С. Петербурге, писанные в конце 1796 и начале 1797 года // Сб. Императ. Рус. ист. о-ва. Т. 2. СПб., 1868. С. 164—274. [Vyazemskij P. Depeshi grafa Litty, poslannika mal'tijskogo ordena v S. Peterburge, pisannye v kontse 1796 i nachale 1797 goda // Sb. Imperat. Rus. ist. o-va. T. 2. SPb., 1868. S. 164—274.]

Записки Н. А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1908. С. 1—105. [Zapiski N. A. Sablukova // Tsareubijstvo 11 marta 1801 goda. SPb., 1908. S. 1—105.]

Зонова Т. В. Россия и Италия. История дипломатических отношений. Ч. 1. М. 1998. 64 с. [Zonova T. V. Rossiya i Italiya. Istoriya diplomaticheskikh otnoshenij. Ch. 1. M. 1998. 64 s.]

Из записок графа Бенигсена // Цареубийство 11 марта 1801 года. СПб., 1908. С. 135—156. [Iz zapisok grafa Benigsena // Tsareubijstvo 11 marta 1801 goda. SPb., 1908. S. 135—156.]

Казнаков С. Павловская Гатчина // Старые годы. 1914. № 7/9. С. 101—188. [Kaznakov S. Pavlovskaya Gatchina // Starye gody. 1914. N 7/9. S. 101—188.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1796 года. СПб., 1896а. 892 с. [Kamer-fur'erskij tseremonial'nyj zhurnal 1796 goda. SPb, 1896a. 892 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1797 года. Январь— март. СПб., 1896б. 562 с. [Kamer-fur'erskij tseremonial'nyj zhurnal 1797 goda. Yanvar'— mart. SPb., 1896b. 562 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1797 года. Апрель — июнь. СПб., 1897а. 500 с. [Kamer-fur'erskij tseremonial'nyj zhurnal 1797 goda. Aprel' — iyun'. SPb., 1897a. 500 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1797 года. Июль — сентябрь. СПб., 1897б. С. 501—1002. [Kamer-fur'erskij tseremonial'nyj zhurnal 1797 goda. Iyul' — sentyabr'. SPb., 1897b. S. 501—1002.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1797 года. Октябрь — декабрь. СПб., 1897в. С. 1003—1423. [Kamer-fur'erskij tseremonial'nyj zhurnal 1797 goda. Oktyabr' — dekabr'. SPb., 1897v. S. 1003—1423.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1798 года. Январь — июнь. СПб., 1897г. 786 с. [Kamer-fur'erskij tseremonial'nyj zhurnal 1798 goda. Yanvar' — iyun'. SPb., 1897g. 786 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1798 года. Июль — декабрь. СПб., 1897д. 1684 с. [Kamer-fur'erskij tseremonial'nyj zhurnal 1798 goda. Iyul' — dekabr'. SPb., 1897d. 1684 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1799 года. Январь — июнь. СПб., 1898а. 972 с. [Kamer-fur'erskij tseremonial'nyj zhurnal 1799 goda. Yanvar' — iyun'. SPb., 1898a. 972 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1799 года. Июль — декабрь. СПб., 1898б. С. 973—1991. [Kamer-fur'erskij tseremonial'nyj zhurnal 1799 goda. Iyul' — dekabr'. SPb., 1898b. S. 973—1991.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1800 года. Июль — декабрь. СПб., 1900. 667 с. [Kamer-fur'erskij tseremonial'nyj zhurnal 1800 goda. Iyul' — dekabr'. SPb., 1900. 667 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1800 года. Январь — июнь. СПб., 1899. 575 с. [Kamer-fur'erskij tseremonial'nyj zhurnal 1800 goda. Yanvar' — iyun'. SPb., 1899. 575 s.]

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1801 года. Январь — июнь. СПб., 1901. 527 с. [Kamer-fur'erskij tseremonial'nyj zhurnal 1801 goda. Yanvar' — iyun'. SPb., 1901. 527 s.]

Карнович Е. П. Мальтийские рыцари в России : ист. повесть из времен Павла Первого. СПб., 1880, 920 с. [Karnovich E. P. Mal'tijskie rytsari v Rossii : ist. povest' iz vremen Pavla Pervogo. SPb., 1880, 920 s.]

Лансере Н. Архитектура и сады Гатчины // Старые годы. 1914. № 7/9. С. 5—32. [Lansere N. Arkhitektura i sady Gatchiny // Starye gody. 1914 . N 7/9. S. 5—32.]

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 2. СПб., 1875, 533 с.; Т. 6. СПб., 1883, 502 с.; Т. 9. СПб., 1892, 565 с. [Martens F. F. Sobranie traktatov i konventsij, zaklyuchennykh Rossieyu s inostrannymi derzhavami. T. 2. SPb., 1875, 533 s.; T. 6. SPb., 1883, 502 s.; T. 9. SPb., 1892, 565 s.]

Мельчакова О. А. Иностранные дипломаты на коронационных торжествах 1826 года // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2013. № 1(111). С. 118—134. [Mel'chakova O. A. Inostrannye diplomaty na koronatsionnykh torzhestvakh 1826 goda // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2013. N 1(111). S. 118—134.]

Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000. 480 с. [Memuary grafini Golovinoj. Zapiski knyazyu Golitsyna. M., 2000. 480 s.]

Морошкин М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до настоящего времени. Ч. 1. СПб., 1867. 532 с. [Moroshkin M. Iezuity v Rossii s tsarstvovaniya Ekateriny II i do nastoyashego vremeni. CH. 1. SPb., 1867. 532 s.]

Очерк истории Министерства иностранных дел, 1802—1902. СПб., 1902. 240 с. [Ocherk istorii Ministerstva inostrannykh del, 1802—1902.SPb., 1902. 240 s.]

Пуле М. Последний король польский в Гродне и Литва в исходе XVIII века // Оснадцатый век. Кн. 4. М., 1869. С. 97—206. [Pule M. Poslednij korol' pol'skij v Grodne i Litva v iskhode XVIII ve-ka // Osmnadtsatyj vek. Kn. 4. M., 1869. S. 97—206.]

Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 2, вып. 3. СПб., 1906. 100 с. [Russkie portrety XVIII i XIX stoletij. T. 2, vup. 3. SPb., 1906. 100 s.]

Татищев С. С. Из прошлого русской дипломатии. СПб., 1890. 567 с. [Tatischev S. S. Iz proshlogo russkoj diplomatii. SPb., 1890. 567 s.]

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1 : От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2000. 608 с. [Uortman R. S. Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoj monarkhii. T. 1 : Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I. M., 2000. 608 s.]

Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. 267 с. [Shumigorskij E. S. Imperator Pavel I. Zhizn' i tsarstvovanie. SPb., 1907. 267 s.]

Статья поступила в редакцию 03.04.2013 г.